

18+

Ава Райд

Чудовища

ближе,

чем

кажется

МОЖЖЕВЕЛЬНИК
И ШИП

Злые легенды

Ава Райд

Можжевельник и шип

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Райд А.

Можжевельник и шип / А. Райд — «Эксмо», 2022 — (Злые легенды)

ISBN 978-5-04-254656-3

Марленикен и ее сестры – последние настоящие ведьмы в стремительно меняющейся Обле, где магия уступает место прогрессу. Для горожан они не более чем диковинка, отголоски красивой сказки, написанной выцветающими чернилами. Сестры не могут выбирать свою судьбу, ведь их жизни подчинены воле жестокого отца. Дни Марленикен серы, однообразны и полны служения. Лишь однажды она решается улизнуть из дома в театр балета. А там, на сцене, встречает человека, который впервые видит в ней не инструмент, а простую девушку. Но пока в юных сердцах разгорается пламя страсти, в Обле пробуждается нечто древнее и жуткое. И сказка, в которую Марленикен так хочет верить, может обернуться кошмаром – если она не найдет в себе силы изменить финал. Атмосферный однотомник с элементами хоррора от популярной писательницы Авы Райд! Идеально для поклонников темного мистического фэнтези – ретеллинг «Сказки о можжевелевом дереве», только еще мрачнее, еще запутаннее и страшнее. Мир книги «Волчица и Охотник» раскрывается с новой, захватывающе чудовищной стороны, являя историю и девушке, которую с детства окружали монстры. Роман, показывающий, что даже в самую густую чашу иногда проникает лучик света

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-254656-3

© Райд А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ава Райд

Можжевельник и шип

Посвящается Дорит

Серия «Злые легенды»

JUNIPER & THORN

Copyright © 2022 by Ava Reid.

All rights reserved.

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского языка *Екатерины Згурской*

© Е. Згурская, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предупреждение

Книга обращается к темам, которые могут быть тяжелыми для восприятия: – эмоциональное, вербальное и физическое насилие; – убийства, кровавые сцены и боди-хоррор; – каннибализм; – сексуализированное насилие (в том числе с элементами боли и крови); – искаженные и абьюзивные семейные отношения; – контроль, зависимость и психологическое давление; – расстройство пищевого поведения; – употребление алкоголя.

Глава 1

Я заглянула под кровать, но чудовища там не было. Оно исчезло еще утром, когда заря багряной рукой загнала его обратно в привычное убежище – укромный уголок в саду Зорьки. Там оно свернулось клубком и обвило шипастым хвостом ствол можжевельного дерева. Теперь так и будет лежать кверху брюхом и шипеть, пока или я, или кто-то из сестер не принесет ему куриных косточек или не почешет за ушком. Из всех тварей, обитавших в нашем доме, эта была самой нетребовательной.

К вечеру сад затих, замер, лишь кружились светлячки, озаряя его ярким светом, да тихо шелестели на ветерке ивовые ветви. Из окна спальни я могла разглядеть все его изумрудное великолепие – крепкие, пышные кусты живой изгороди, плющ, густой сетью оплетавший про-ржавевшие ворота... Любой житель Обли, проходивший мимо нашего дома, чувствовал, как зеленые усики хватают его за лодыжки, слышал шепотки папоротников, доносящиеся из-за ограды. Таким же тихим шепотом прохожие пересказывали друг другу слухи о Змие Ващенко и его трех странных дочерях.

Когда я была помладше, их злые слова вгоняли меня в слезы. Но к двадцати трем годам я научилась не слышать их – а иногда, наоборот, внимательно выслушивать с каким-то извращенным покорным согласием, поглубже пряча застарелую обиду. В конце концов, чем злее слухи – тем больше денег они приносят. Слухи приносили к нашему порогу клиентов, как кот – искалеченную мышь к хозяйским ногам. И чем страшнее, чем отвратительнее они звучали, тем больше клиенты таращились на моих сестер так, будто их красота была бархатным ковриком, прикрывавшим дыру, из которой вот-вот что-то выскочит.

Мои сестры были красивы сами по себе, без всяких ухищрений и украшательств – это уже было мое проклятие, на самом деле, а не отцовское. Батюшка наш был обречен ни в чем не знать удовлетворения, так что для него мои сестры были красивы, но все же *недостаточно* красивы. Этим проклятием его одарила Тетка Вийка, последняя настоящая ведьма Обли. Батюшка сделал все, что было в его силах, чтобы лишить Тетку дохода и самому стать единственным чародеем в городе, а она отплатила ему так, как могла отплатить только ведьма. Конечно, к тому времени он уже и впрямь остался единственным настоящим чародеем во всем городе – вот только удовлетворения это ему не принесло.

Часы пробили девять. Я накрыла покрывалом несколько подушек-валиков и мешок осенних листьев, чтобы со стороны казалось, будто это я лежу в постели. Зорька срезала пучок сухих пшеничных стеблей – слишком бледных и прямых, ничуть не похожих на мои буйно выющиеся волосы. Но когда – если – батюшка проснется и в полусне потащится мимо моей комнаты, он, вероятно, не будет присматриваться настолько внимательно, чтобы заметить разницу. Проклятие неудовлетворенности приводило к тому, что даже после долгих часов сна он все равно просыпался уставшим.

Небо за окном постепенно темнело, как будто к бледной глотке Обли тянулось обсидиановое лезвие. Снаружи послышались шаги, тихие, торопливые, скрипнул деревянный порожок. Я обернулась – в дверях стояла моя сестра Ундина.

– Марленикен, милая, если гребень так и не коснется твоих волос, любой сразу узнает в нас ведьм.

Мои щеки сразу вспыхнули. Я отошла от кровати и пристроилась возле будуара, скептически разглядывая собственное отражение. На землистых щеках алели два ярких пятна, а густая копна кудряшек ниспадала на плечи, как теплый плед.

– Не представляю, что делать, – сказала я. – Они слишком длинные.

У нас всех были длинные волосы – пожалуй, даже слишком длинные с точки зрения нынешней моды. Облинские женщины делали себе локоны, больше напоминавшие само-

крутки. Но батюшка не позволял нам состригать ни дюйма. По его словам, клиентам нравилась эта очаровательная нотка селянства – наши нестриженные косы напоминали о временах давних и простых. В их глазах мы были эдакими хорошенькими доярками, распеваящими песенки, будто сошедшими с тех выцветших пасторалей, которыми обклеивали стены богатеи. Я, правда, нежным голоском не обладала, зато улыбаться могла очень убедительно.

– Зорька! – негромко позвала Ундина. – Иди сюда скорее, нужна твоя помощь.

Моя вторая сестра проскользнула через порог, шурша кринолином; ее обнаженные плечи казались острыми, как кухонные ножи. Она взглянула на мои волосы, затем на Ундину, сердито наморщившую нос, и вздохнула. Костяной гребень нашей матери лежал на комод. Между зубчиков торчал клочок моих русых волос.

Зорька, как и полагается средней сестре, была помягче. Так что она со вздохом принялась за мои кудри. Последний раз меня так расчесывала матушка – да и то много лет назад.

Зорьке удалось закрепить мои волосы лентой в некой гротескной пародии на те прически, что носили облинские женщины. Шелковая розовая ленточка подходила к моему платью – цвета мятой клюквы, с декольте настолько открытым, что я то и дело краснела. Впрочем, это не особо портило картину – в окружении красавиц-сестер я превращалась не более чем в предмет мебели вроде затейливого канделябра.

Часы пробили десять, и мы вышли из дома.

Под подошвами чавкала сырая земля сада. Держась за руки, мы миновали гадальную чашу с водой, блестящую, как отполированная монета, пробрались сквозь заросли чертополоха, качавшего пурпурными бутонами, аккуратно обошли тонкую сеть, сплетенную Зорькой из бабьего ума и девичьей травы. Цветущая груша предупредила нас об опасности, осыпав белыми лепестками, но все чудовища либо попрятались, либо уже уснули.

Мы все равно старались не шуметь, чтобы не разбудить их – или, что еще хуже, нашего батюшку. Бунтовать против его воли по чуть-чуть мы себе уже позволяли раньше – по крайней мере, Зорька и Ундина, – но еще ни разу не решались на что-то столь масштабное, недозволенное и неправильное. Сегодняшняя авантюра напоминала книгу, из которой вырвали все страницы, – я понятия не имела, с чего все начнется, чем обернется и чем закончится.

Мысль о том, что батюшка нас увидит, заставляла меня холодеть от ужаса, а родной сад начинал казаться странным и страшным.

Чужакам он всегда казался таким даже при свете дня: они-то не привыкли к нему так, как мы. Здесь росли стеклянные яблоки, сладкие на вкус, заставлявшие кровь приливать к лицу – у тех, кто находил в себе силы прожевать жесткие, острые куски; сливы, черные на первый взгляд и желтые на просвет, мягкие, как опухший синяк, напитанные смертельным ядом. Батюшка скармливал нам по кусочку этих слив с малолетства, возвращая невосприимчивость к отраве, так что сейчас мы могли их есть, ощущая лишь гнилостную горечь, но не яд, таящийся в соке.

Но даже нам он строго-настрого запрещал трогать можжевеловое дерево, на котором росли ягоды самой опасной породы – одновременно ядовитые и сладкие. Какой бы недуг они ни вызывали, к нему нельзя было приспособиться.

За двадцать три года своей жизни я повидала в этом саду множество других жильцов и постепенно привыкла считать их *нашими*. Наш огненный змей не отличался от обычной змеи до тех пор, пока не вылезал на солнце – тогда его черная чешуя начинала переливаться желтовато-красным. Он говорил человеческим языком, не шевеля пастью; его голос проникал в голову так, будто это ты сам мысленно произносил каждое слово. Змей обещал шелковые платочки, фарфоровые бусики, и, если согласиться, все подарки тут же возникали в руках словно из ниоткуда. В обмен змей просил накормить его молоком из груди – но, даже если расплатиться, и платки, и бусы поутру обращались в сено и козьи катышки. Не знаю уж, что будет, если попросить что-то подороже и почему кормление змея грудью считалось чем-то ужасным.

Я не раз видела, как он ползает по нашему саду черной струйкой нефти, оставляя на земле бледные отмершие чешуйки.

А еще здесь жил наш гоблин – бедолага лишился дома после того, как родинянские беженцы осушили топи вокруг Обли. Его единственный глаз сиял, как фонарь в ночи, а борода была такой же длинной и белой, как лишайник, выросший на бревне. В благодарность за предоставленный кров гоблин стал нашим самым преданным защитником и постоянно норовил укунить за лодыжку очередного посетителя, пока тот шел к дому. После того как сумма компенсаций за эти поползновения достигла ста рублей, а жалобы на них долетели до ушей городского державного инспектора, батюшка стал накрепко запирает гоблина в садовом сарае всякий раз, когда кто-то являлся в наш дом. В прошлый раз, когда я пришла, чтобы выпустить его, обнаружилось, что он успел прогрызть дыру в стене и теперь сидел с надутым лицом на грядке эстрагона.

Мы тщательно залатали дыру, по очереди следя за тем, чтобы батюшки не оказалось поблизости, а затем снова заперли гоблина в сарае. Ундина хотела еще и рот ему заткнуть, чтобы гоблин не разбудил батюшку рыданиями, но это показалось мне столь невыносимо жестоким, что я убедила сестру обойтись малой кровью. Так что сейчас, проходя мимо сарая, я слышала жалобное хныканье.

Из всех созданий, обитавших в нашем саду, меньше всего мне нравился Индрик – голый мужик с ногами то ли фавна, то ли козла. Он вечно стenal о нелегкой доле беженца: в свое время Индрик сбежал с родной горы, так как родинянские шахтеры начали добывать там серебро. Большую часть времени он уныло слонялся возле гадательной чаши Ундины, скорбно разглядывал собственное отражение и причитал, что когда-то был богом, которому поклонялась вся Обля. Ему оставляли подношения: зарезанных гусей, расписные яйца и самых хорошеньких овечек. При мысли о том, что Индрик делал с этими овечками, меня всякий раз передергивало – я помнила, как похотливо он таращился на нашу дойную корову, пока та не околела. Не знаю уж, был Индрик богом когда-нибудь или нет, но спорить с ним смысла не видела: он лишь начинал причитать еще горше.

Чтобы быть уверенными, что Индрик не поймает нас во время побега, Зорька подсунула ему сонное зелье. Я смутно разглядела его тушу под одной из груш – широкие плечи, похожие на валуны, и рельефную спину. Индрик похрапывал с тихим присвистом, похожим на гудок паровоза, иногда долетавший откуда-то издалека до окна моей спальни.

Водились здесь и другие сущности: те, у кого не было имен и при виде которых на ум приходило лишь слово «чудовище». Какие-то существа, похожие на барсуков, которые вынюхивали в земле корешки и трюфели; хорьки с шипастыми хвостами и алыми глазками-бусинками, вроде того, который имел обыкновение прятаться у меня под кроватью; безглазые вороны, слепо перепархивающие по веткам рододендронов... Вороны питались кроликами и белками, норовившими погрызть травы Зорьки, так что мы не гоняли их – да и кто знает, что будет, если попробовать их прогнать... Про подобных чудовищ сказки не рассказывали. А может, рассказывали, да теперь позабыли. Как бы там ни было, мы с сестрами опасались, что, навредив каким-то образом слепым птицам, однажды проснемся проклятыми точно так же, как наш батюшка.

Но сегодня мы приняли все меры предосторожности и ни одна сущность не проснулась. Добравшись до ворот, Ундина распахнула створки, и мы стали отряхивать башмаки от земли, а подола платьев – от травы. Как змеи, сбрасывающие кожу, мы стряхивали с себя селянство и чародейство нашего дома.

Я опустила глаза на мощеную дорогу, уходящую вдаль, и в желудке заворочался ледяной ком страха.

– Идем, Марленикен, – позвала Ундина, подхватывая нас с Зорькой за локти и подталкивая меня вперед. – У нас всего четверть часа в запасе.

Мы пошли по улице так быстро, как позволяли корсеты и кринолин. Через подошвы туфелек я чувствовала каждый камешек, каждый твердый выступ – казалось, они так и норовили угодить мне под ноги. По пути нам попадались работяги-поденщики с осовелыми глазами, тащившиеся после тяжелого дня в таверны и бордели, а может, домой, в квартирники над магазинчиками. Всякий раз, когда они замечали нас, меня охватывала паника, но Зорька с Ундиной не давали сбавить шага.

Канатчикова улица вывела нас на городскую площадь; роскошные фасады глядели окнами на величественный фонтан: над каменной чашей замерла в прыжке стая дельфинов, изрыгая из пастей струи воды, а за их спинами возвышалась мраморная скульптура сурового бога моря с насупленными бровями, восседавшего в колеснице. Я не узнала в нем того бога, что изображался в батюшкином кодексе, – у этого черты лица были слишком невнятные и словно вырезанные наспех. Как будто скульптор пытался вспомнить образ, увиденный лишь единожды очень-очень давно.

На площади уже собирались обляне: женщины в платьях с пышными рукавами, мужчины в цилиндрах. Все они торопились к зданию театра балета, словно отара овец, разодетых в шелка и кружева. Голоса смешивались в низкий гул, похожий на раскаты грома. Дым от трубок поднимался в низкое небо. Эти запахи и звуки обрушились со всех сторон так резко, что у меня перехватило дыхание.

Сестры и раньше позволяли себе подобные вылазки, но прежде мне не хватало смелости к ним присоединиться. Сегодня я упала им на хвост с грацией куля с сахаром, опьяненная обещаниями чего-то совершенно нового, куда более яркого и интересного, чем все, что доводилось видеть раньше. Но сейчас, оказавшись здесь, я чувствовала, что «нового и интересного» как-то очень уж много.

– Я не хочу туда идти, – прошептала я, наклоняясь больше к Зорьке, чем к Ундине. – Кажется, я передумала.

– Да поздновато уже поворачивать назад, а? – Сестра неопределенно махнула рукой в сторону театра, но в ее голосе не слышалось особого раздражения. – Обратного тебя провожать некому, так что придется подождать здесь. – Наверное, ужас отразился на моем лице слишком явно, потому что Зорька сразу же смягчилась: – Не волнуйся, все будет хорошо. Как только мы займем свои места...

– Ох, она как всегда, – огрызнулась Ундина. – Ведет себя как ребенок: идти не хочу, одна оставаться тоже не хочу...

Я закусила губу, чтобы не огрызнуться в ответ: все-таки Ундина была права. В последний раз, когда они ушли ночью вдвоем, я чуть с ума не сошла от страха. Пока мое тело лежало дома, в родной постели, разум носился по сотням темных переулков, гадая, какие опасности могут подстергать там сестриц и что сделает батюшка, если проснется и обнаружит, что их нет.

Потому что это мне пришлось бы отвечать перед ним, *мне* пришлось бы хлебать его ярость, как морскую воду, и сдерживаться, чтобы не выплеснуть ее обратно до тех пор, пока он не вылетит из спальни, хлопнув дверью.

В ту ночь Зорька обнаружила меня спящей под кроватью, с засохшими дорожками слез на щеках, а наше чудовище с шипастым хвостом беспокойно жевало пояс моих чулок.

Собственно, именно Ундина и стала инициатором этих побегов. Год назад подобные вещи были для нас немыслимы. Батюшка строго ограждал нас от того, чтобы сделать хоть шаг за пределы сада, – не заклинаниями, но словами и запугиваниями. Обля, по его словам, была опасней ямы со змеями и на нас непременно кто-то или что-то напало бы. Я ему верила. Мужчины, приходившие ко мне, – клиенты – внушали страх, даже просто сидя в нашей гостиной.

Но все клиенты Ундины были практически влюблены в нее и жадно ловили каждое слово. И как-то раз один из них вместо рублей предложил билеты на концерт оркестра в историческом центре города. Поначалу она отказывалась – по крайней мере, по ее собственным словам, –

но мужчина настаивал. Так мысль улизнуть из дома укоренилась в сестриной голове и в конце концов разрослась так, что выкорчевать ее уже не представлялось возможным.

Та первая ночь заронила семена этой мысли и в голове Зорьки. Их места, как она мне позже рассказывала, оказались в самом дальнем ряду, так что приходилось изо всех сил вытягивать шеи, чтобы разглядеть сцену сквозь заросли шляпок с перьями, а тепла от такого количества тел исходило столько, что сестрицы вернулись основательно употевшие, но во всем этом все равно чувствовалась некая магия. Я ощущала ее даже на расстоянии – манящую, коварную, вытаскивавшую Зорьку с Ундиной из кроватей по ночам, приглашая забыть обо всем и испробовать тысячи развлечений, которые манили и порхали вокруг, как стая мотыльков.

Для моих сестер это было забавой – может, они наслаждались уже тем фактом, что нарушали заветы батюшки. А для меня это было сплошным ужасом.

Но я не хотела оставаться одна – уж точно не после той жуткой ночи.

Потому я покорно волочилась вместе с Зорькой и Ундиной через толпу, задыхаясь в корсете. Запахи незнакомых людей, пота и фиалковых духов липли к коже, как дождевая вода, а в уши лились голоса.

«...нашли его с выдернутым сердцем – как будто кто-то кулаком грудь пробил...»

«...и печень тоже пропала, только дыра осталась...»

Желудок свело, и я снова наклонилась к Зорьке:

– О чем они говорят?

– Да небось какие-то нелепицы из бульварной прессы обсуждают, – ответила сестра, не поворачиваясь. – Державный инспектор нашел двоих мертвецов на променаде возле набережной, а потом кто-то пустил слух, что их убило некое *чудовище*. Вероятнее всего, они прибили друг друга в пьяной сваре или просто упились до смерти – отсюда и вся эта болтовня про печень. Но про пьяную драчку страшилок не расскажешь, а без страшилок газету не продать.

Я кивнула. Ком в желудке слегка разжался. Зорька, похоже, разбиралась в том, как работает мир, получше моего, хотя мы все втроем были заперты в одном и том же доме гнетом одних и тех же сил.

А еще она, кажется, и впрямь неплохо управилась с моими волосами, потому что на мне практически не задерживали взгляда. Женщины мельком замечали меня и тут же начинали тарашиться на моих сестер с настороженной ревностью. Мужские взгляды тоже скользили мимо меня и останавливались в ямке между грудей Ундины или на обнаженных плечах Зорьки. Я замечала в этих взглядах голод – и в то же время чувство вины, удавкой сдерживавшее всякое желание. Ведь все знали: тот, кто возжелает девицу из семьи Ващенко, не жилец.

До меня снова долетели обрывки чужих разговоров:

«...заплатила двойную цену, чтобы поглядеть на него, но ничуть не жалею...»

«...сказала, что это было лучшее представление из тех, что она видела, – аж слезы навернулись...».

На этот раз мне не пришлось уточнять у Зорьки, о чем речь: мы явились сюда по той же причине, что и остальная толпа. Пока Ундина тащила нас сквозь толчею к кассе, я едва успевала дышать: корсет давил неимоверно. Ундина добыла три наших билета, улыбнулась работнику и похлопала ресницами. Не знаю уж, сколько стоили эти билеты – я с трудом представляла, сколько копеек в одном рубле, – но, судя по воодушевленности и размерам толпы, немало. Наверное, этот клиент влюбился в мою сестру крепче, чем все предыдущие.

Двое служителей театра в черных бархатных костюмах с поклоном распахнули перед нами створки дубовых дверей. Ундина и Зорька наконец-то отпустили мои руки, понимая, что я уже никуда не денусь. Я побрела за ними, не поднимая глаз, чувствуя, как у меня потеет лоб. Театр проглотил нас и накрепко захлопнул пасть за нашими спинами – и мне снова стало страшно.

Наконец я осмелилась поднять голову – и едва не ослепла от яркого света.

Золоченые волюты¹ тянулись по сводчатому потолку, как побеги дикого винограда, оплетающие старый пень. Между таких же золоченых колонн располагалось по дюжине кресел, обитых алым бархатом. Неторопливо вращались люстры, и каждый огонек свечи сиял, как острое ножа. Сам потолок украшала одна большая фреска: ранняя весна, сатиры, основательно напоминающие Индрика, гоняются за гологрудыми нимфами, а дородные мужчины, одетые лишь в лавровые венки, возлежат на берегу реки. Я невольно покраснела.

Засмотревшись на потолок, я едва не отстала от сестер. Углядев издали яркое светлое пятнышко – белокурую головку Ундины, – я нагнала их, как раз когда сестры занимали свои места. В горле пересохло от тревоги и смущения.

– Кажется, они тебя узнали, – шепнула я Ундине. – Тот билетер и мужчины в очереди...

– Ну конечно же, они меня узнали, – прохладно откликнулась сестра. – Но батюшке никто ничего не расскажет. Они же знают, что в противном случае больше никогда меня не увидят.

Зорька, сидящая с другой стороны, тихонько хмыкнула. Тщеславие Ундины корбило и ее, но свое недовольство, в отличие от меня, она не особо скрывала. К счастью, обычно Ундина была слишком занята собой, чтобы это заметить.

Снова зашелестели шепотки. До моих ушей долетел шепелявый голос седовласой дамы, сидящей сзади:

– ...говорят, его ребра были проломлены, как сгнившая крыша. А еще говорят, что глаза ему кто-то вырвал и засунул вместо них сливовые косточки...

Я резко оглянулась, и Ундина тут же шлепнула меня по руке. Жест оказался своевременным, мне даже показалось, что это я сама себя хлопнула, – кто еще мог так четко уловить мою очередную промашку?

Голубые глаза Ундины недобро прищурились.

– Перестань, – рыкнула она. – Подслушивать – грубо, особенно *здесь*. Ты и впрямь ничего не знаешь об этом мире, а, Марленикен?

Я не совсем поняла, что именно Ундина подразумевала под «здесь» – конкретно театр или Облю как таковую, весь этот огромный серый город, раскинувшийся за стенами нашего сада. Сейчас нас окружали мужчины и женщины высшей курии, разодетые в шелка и атлас, яркие, как засахаренные фрукты; снаружи, на улицах, бродили пьяные поденщики с острыми, снулыми лицами и отвислыми губами. И я даже не знала, кто из них хуже.

Расправив плечи, я поудобнее устроилась в своем кресле. Зорька листала программку – каждая страничка была украшена золочением.

– Сегодня дают «Ивана-богатых», – сообщила она. – Его, судя по всему, каждый вечер показывают. Если бы батюшка узнал, с ним бы припадок случился.

От этой мысли меня передернуло. «Иван-богатых» был самым знаменитым облинским балетом – и одновременно искаженной версией одной истории из батюшкиного кодекса, то ли перевранной со временем, то ли переделанной под влиянием родинян. Иван, главный герой, из воина-степняка превратился в святого, а его невеста, изначально дочь вождя, стала царевной. Изменилась и целая куча мелких деталей, извратив легенду до неузнаваемости.

Но новая версия нравилась и облинцам, и, что еще важнее, родинянам. Эти наезжие явились сюда, размахивая царскими знаменами, и начали болтать про вещи вроде «развития территории» и «городского планирования». Иные прибывали под вывесками частных компаний, которые выжимали облинских поденщиков до последней капли, а затем исчезали – лишь для того, чтобы на смену им приходили другие, с другими вывесками, но с той же целью: высосать из города все соки. Именно из-за родинян облинский порт наводнили торговцы с востока и именно из-за них наши улицы были ровными, как спицы колеса. Я практически не вспоминала

¹ Волюта – архитектурный мотив, представляющий собой спиралевидный завиток с «глазком» в центре.

о них, за исключением тех моментов, когда родиняне приходили к нашим воротам, но батюшка велел нам игнорировать их, пока они не уйдут.

Сейчас же театр был битком набит теми, кто явился взглянуть на грацию одного конкретного чужака-родинянина на сцене. Я напряженно всмотрелась в программку Зорьки, выискивая его имя, словно могла найти какой-то глубинный смысл в определенном наборе букв.

– Тут написано, что он – самый молодой солист во всей истории родинянского балета, – проговорила сестра, водя пальцем по строчкам биографии. – Ему всего двадцать один год. Это так грустно, правда?

– Почему грустно?

– Ну вот представь – тебе чуть за двадцать, а ты уже добился всего, о чем многие могут лишь мечтать. И как быть? Еще вся жизнь впереди, а двигаться дальше уже и некуда...

Я почти сразу пожалела, что спросила.

Но прежде чем я успела добавить хоть слово, грянули первые ноты увертюры, бархатный занавес раскрылся и шепотки вокруг смолкли. Глаза всех присутствующих устремились к единственному пятнышку света на сцене, круглому, как полынья во льду. Томное пение виолончелей смешалось с трелями флейт и гобоев.

Я никогда раньше не ходила с сестрами на «Ивана-богатыря» и не знала, когда в очередной раз рявкнет барабан или переливчато всплакнет арфа, так что вздрагивала от каждого крещендо и декрещендо. С каждой новой незнакомой нотой что-то внутри трепетало, как струна, кости откликались вибрацией и кровь начинала петь. Я представляла историю в общих чертах, но музыка добавляла к ней нечто новое – и теперь мне как будто не хватало глаз, чтобы воспринять картину целиком.

На сцену выпорхнули первые балерины в белых пачках, похожие на снежинки. За ними последовали мужчины в красном, игравшие огненных слуг Царя-Дракона.

Балерины драматично попадали наземь. Я читала историю в батюшкином кодексе, так что знала, что эти девы – духи холода, того чистого, первозданного мороза, что царил на облинской земле, прежде чем пришли люди и загрязнили ее. Царь-Дракон, закованный в черное, показательно изобразил смех под мрачное гудение виолончелей. Но я знала, что в конце концов на сцену явится Иван – неуклюжий, безоружный, простой крестьянский сын, коим он был до того, как стал воином – а в этой версии, как утверждала программка, еще и святым. В батюшкиной книге никаких святых не было, но главного героя и там и там звали Иваном.

За много лет в моей голове вызрел определенный образ Ивана, но все же я оказалась не готова увидеть его в реальности: длинные черные волосы, обнаженная грудь под кое-как запахнутой крестьянской курткой... Как только он оказался в лучах света, я уже не могла оторвать от него глаз. Просто невозможно было не следить за тем, как он движется по сцене. При его появлении танцоры-огни увяли, как сорванные розы, а девы-снежинки вострепонулись, и их серебряные личики озарились робкой надеждой. Иван проковылял мимо них к Царю-Дракону – и даже его неуклюжая крестьянская походка казалась изящной.

Царь-Дракон замахнулся, будто собираясь сразить его одним ударом, но в этот миг между ними заплясала хорошенькая царевна, стараясь утихомирить гнев отца. Иван отступил, и снежные девы сникли. Царь-Дракон покинул сцену вместе со слугами-огнями, и Иван с царевной остались кружить друг вокруг друга, как настороженные волки.

Драная куртка свалилась с плеч Ивана – и я услышала, как весь зал дружно охнул. Окутанный ярким светом Севастьян Резкин казался таким привлекательным, что я с трудом заставила себя дышать.

Я скользнула взглядом по изящным, почти резным мускулам его живота и бедрам. Иван взял царевну за руку и поцеловал ее пальцы. Ее движения на его фоне казались более неуклюжими – как будто она мысленно считала шаги. А вот Севастьян двигался легко и плавно, как речной поток, словно вовсе не умел двигаться иначе.

Он поднял ногу царевны. Ее пальцы скользнули по его щеке.

Я ощутила себя невоспитанной зевакой, подглядывающей за нежным чудом, не предназначенным для чужих глаз. Примерно так же я чувствовала себя, глядя на чаек и бакланов, взлетающих с козырька под нашей крышей, – это зрелище заставляло меня стыдиться собственного тела, тяжелого и бескрылого.

Колено Ивана оказалось между бедер царевны, и я покраснела так отчаянно, что Ундина наверняка бы посмеялась надо мной, если бы повернулась. Но внимание всех сейчас было приковано к Севастьяну – он был тем маяком, что притягивал к себе взгляды.

Сколько бы там ни заплатил сестрицын ухажер за эти билеты, я бы с радостью заплатила больше – в два, нет, в три раза. Ибо впервые поняла, откуда у Зорьки с Ундиной эта безрассудная тяга покидать ночью постель и отправляться на поиски зрелищ вопреки суровым заповедям батюшки.

Мои пальцы, спрятанные в юбках, сжались в кулаки, и я не разжимала их до последнего акта, когда Иван появился уже в облике святого. Севастьян снова оказался обнаженным по пояс: всю его одежду составляли лишь тонкие чулки телесного цвета – они выглядели частью его кожи, хотя и прикрывали все необходимое. Его торс покрывала золотая краска: сверкающие потеки тянулись до самой шеи, завивались по щекам. Даже на его ресницах блестел искусственный жемчуг. Плечи укутывала мантия-крылья, и белые перья колыхались при каждом прыжке и повороте.

Я даже не представляла, как ему удастся так широко раздвигать ноги, так высоко подпрыгивать, как он умудряется так быстро гасить инерцию при приземлении. Когда музыка смолкла и Севастьян вместе с царевной вышли на поклон, половина театра тут же подскочила на ноги и зашлась аплодисментами. Несколько женщин, сидевших рядом со мной, рыдали, размазывая сурьму по покрасневшимся щекам.

– Я же говорила! – заявила Ундина, силком поднимая меня с кресла. Впрочем, она и сама слегка охрипла и подозрительно часто моргала. – Оно того стоило, согласись?

Но занавес уже опустился, скрывая Севастьяна из виду, и я ощутила себя так, словно потеряла якорь и теперь болтаюсь в море голосов без руля и ветрил. Шум давил со всех сторон, а от жара множества перегретых тел кружилась голова. Воздух казался кислым от хора возбужденных голосов, дыхание снова перехватило, будто чья-то горячая невидимая рука сдавила мне горло.

Лица смешались в одну цветную массу так, что не разобрать, где агнцы, а где козлища.

– Мне нужно идти, – кое-как выдавила я, вырывая руку из пальцев Ундины. Собственный голос показался мне глухим, словно рот накрыли мокрой тряпкой. – Мне надо выбраться отсюда.

Зорька что-то протестующе буркнула, пока я протискивалась мимо нее, но останавливаться я уже не стала. Кое-как ковыляя по красному ковру, я слышала, как шуршат шелка – зрители начали вставать с мест. Перед глазами все плыло, так что театр казался сплошным месивом сверкающих пятен, как трава под утренней росой. Каким-то невероятным, почти звериным чутьем я отыскала боковую дверь слева от сцены и выскочила наружу, жадно глотая ледяной ночной воздух.

Облегчение накатило моментально. Я прислонилась спиной к стене – по лицу струился холодный пот. Розовая ленточка, стягивавшая волосы, развязалась, и кучерявые пряди свесились на глаза. Трясущимися пальцами я кое-как убрала их назад.

По обе стороны от двери тянулся переулочек – непроглядно-темный, бесконечный. Звезды над головой скрывала пелена смога, так что единственным источником света – бледно-желтого, мутного – служили окна театра. Не успела я подумать о том, что, пожалуй, стоит испугаться, как дверь за моей спиной распахнулась и оттуда вывалился кто-то еще.

Этот человек согнулся пополам, одной рукой держась за живот. Второй он оперся о стену и, отвернувшись от меня, начал кашлять и отплевываться.

– Вы в порядке? – задала я единственный вопрос, пришедший в голову. Меня саму все еще пошатывало, а внутри плескалась накопившаяся паника, но я нашла силы подойти поближе и наклонилась, заглядывая ему в лицо.

– Сударь, вам нездоровится?

Его вырвало. Желчь забрызгала брусчатку и подол моей юбки, но я была абсолютно привычна что к зрелищу, что к запаху, что к звуку рвоты, так что даже не поморщилась. Вместо этого я наклонилась еще ниже, пытаюсь разглядеть в темноте лицо несчастного.

– Сударь, прошу вас, – не отставала я. – Вам нездоровится. Я не целительница, но могу позвать сестру, и...

Он вытер рот тыльной стороной ладони и поднял глаза. Свет из окон обрисовал форму его скул, и я замерла, как испуганный кролик, обнаружив, что смотрю в дымчато-синие глаза Севастьяна Резкина.

Его плечи прикрывала второпях наброшенная блуза из белого шелка, не застегнутая на груди. На коже виднелись остатки золотой краски, осыпавшейся с шеи и щек, размазанной вокруг рта. С черных волос упало маленькое белое перышко.

Я что-то пробормотала – сама толком не поняла, что именно. Мутные глаза Севастьяна смотрели прямо на меня, белки покраснели от лопнувших сосудов. Я вспомнила, как мягко и изящно он приземлялся после очередного прыжка, как облегающее трико обрисовывало рельефные ляжки, как тесно прижимались его бедра к бедрам царевны, – и тут же залилась краской.

Ресницы Севастьяна, до сих пор украшенные искусственными жемчужинками, трепетали, отбрасывая тени на резкие скулы. Кожа у него оказалась такой же бледной и чистой, как костяная рукоять матушкиного гребня, за долгие годы истершаяся об наши с сестрами руки. И от этой мысли я лишь сильнее покраснела.

Даже сейчас, обливаемый потом и воняющий рвотой, он был так красив, что глаз не оторвать.

Но прежде чем кто-нибудь из нас сумел вымолвить хоть слово, дверь снова распахнулась. Из проема выскочил еще один танцор – светловолосый, разодетый в алый костюм слуги-пламени. Он тяжело вздохнул – на холоде его дыхание казалось язычком дыма, – взглянул на Севастьяна, затем на меня и скрестил руки на груди.

– Идем, Сева, – устало позвал он. – Деркач тебя обыскался.

Севастьян выпрямился и тут же поморщился, хватаясь за бок.

– Лешка... – пробормотал он. – Спаситель мой...

Танцор снова вздохнул и, взяв его под руку, аккуратно повел к двери. Походка Севастьяна была нетвердой, и он постоянно заваливался влево.

– Погодите! – позвала я. Вышло слишком громко и визгливо – как чайный крик. – Вы не можете... ему же сильно нездоровится...

Танцор в красном – Алексей – остановился и оглянулся. Уголки его губ дернулись, но я так и не поняла – раздраженно или насмешливо.

– Ему не то чтобы нездоровится, – ответил он. – Вернее, можно сказать, ему и впрямь нездоровится, но ни вы, сударыня, ни я с этим ничего поделать не сможем. Через часок его вывернет второй поллитрушкой водки, он заснет, а утром его тело как следует ему отомстит.

С этими словами он уволок Севастьяна обратно, и дверь захлопнулась, скрывая их окончательно. Прошло добрых несколько секунд, прежде чем я вспомнила, как двигаться. Желудок крутило, как белье в лохани.

Когда я отыскивала сестер, Ундина нахмурилась и шлепнула меня по руке, а Зорька только вздохнула и убрала мне кудри с лица. Но ни одной из них я не стала рассказывать о своей встрече с Севастьяном, так как и сама до сих пор не могла поверить, что все произошло на самом деле.

Пока мы торопливо шагали обратно по Канатчиковой улице, я то и дело косилась на заляпанный подол платья и перепачканный носок туфельки. Перед глазами снова и снова вставало блестящее от пота лицо Севастьяна и его яркие, изумительно синие глаза. Покрасневшие белки напоминали тонкие трещинки на дорогом батюшкином фарфоре. Ума не приложу, как он мог танцевать так восхитительно после полулитра водки. Возможно, Алексей слегка преувеличил. Я сама в жизни не брала в рот ни капли. Может быть, и от целого литра ничего не будет – разве что перед глазами слегка поплывет...

Но, честно говоря, мне в это не верилось.

Когда мы добрались до ворот, они открылись перед нами так легко и бесшумно, что я даже удивилась. Как голодная пасть, с трудом дождавшаяся, когда можно будет заглотить нас обратно. Гоблин перестал жалобно хныкать, Индрик по-прежнему спал. Безглазые вороны на своих ветках даже не шелохнулись.

Наверное, в моей голове должны были лихорадочно закрутиться всякие мысли, должен был напасть страх, такой, чтобы колени задрожали. Но вся дорога через сад прошла практически незаметно – я думала только о Севастьяне, так что всем прочим раздумьям места уже не оставалось. Как будто я вообще забыла, как бояться.

Возможно, так и проявлялась та самая магия, что выманивала сестер из дома? В этот момент она казалась мне почти такой же сильной, как батюшкино чародейство. Как будто город превратился в несмолкаемую песню, льющуюся мне в уши, и если бы мой разум превратился в компас, то лицо Севастьяна стало бы там отметкой «север».

Оказавшись в родной спальне, я дрожащими руками стащила платье и расшнуровала корсет, затем вытряхнула сухие листья и пшеничные колосья из-под покрывала и припрятала их под кровать, где уже тихонько посапывало чудовище. Оно крепко спало, так что алых светящихся глаз я не увидела.

«...А еще говорят, что глаза ему кто-то вырвал и засунул вместо них сливовые косточки...»

Я так резко сжала зубы, что они даже щелкнули. Это просто страшилки из бульварных газет, ничего больше. Вот в это я могла заставить себя поверить: проглотить уверения Зорьки было не труднее, чем прохладную родниковую воду. Единственные чудовища, сохранившиеся в Обле, жили здесь, у меня под кроватью или в нашем саду, и ни одно из них не испытывало тяги к человеческой плоти. *Такие* чудовища уже давно повымирили.

Я забралась в постель и натянула одеяло до самого подбородка. Я ждала, что после нашей ночной вылазки все тело будет ныть от усталости, а веки нальются приятной тяжестью и сразу же опустятся. Однако ноги казались легкими и восхитительно холодными, еще не забывшими мороз, царящий снаружи.

Уснуть так и не получилось – я продолжала думать о Севастьяне, о его обнаженной груди, покрытой золотом. Мой разум устремлялся обратно: через сад, по темным улицам, к тому переулку, где в болезненно-желтом свете я смотрела в его потное лицо.

И от этих мыслей мои пальцы сами скользнули между бедер, и я принялась гладить себя, отчаянно кусая подушку, чтобы не издать ни единого звука.

Глава 2

Солнечные блики упали мне на лицо, как сухие листья. Я подскочила на кровати аккурат в тот момент, когда по половицам застучали коготки чудовища. Оно выскочило из-под моей кровати и шмыгнуло в коридор – только мелькнул кончик шипастого хвоста.

Часы пробили семь. Я выпуталась из покрывал. Из кудрей вывалилась пшеничная соломинка. Сквозь решетку окна проникали лучи света, озаряя тонкую серую пленку, закрывавшую зеркало, туалетный столик и матушкин гребень на нем. В воздухе танцевали пылинки. Розовые туфельки высовывали носы из неплотно закрытых дверей гардероба, как слепые котята, на каблуках налипла грязь. Чуть выше проглядывал клюквенно-красный шелк, уныло болтались завязки корсета. Во мне снова встрепенулись воспоминания, перед глазами встала позолоченная грудь Севастьяна. Покраснев, я накрепко захлопнула шкаф, запирая и платье, и туфли, и все прочие улики, способные рассказать, чем мы занимались вчера ночью.

На то, чтобы подать батюшке завтрак, у меня оставалось полчаса – куда меньше обычного. Я слишком долго спала, погруженная в сны об Иване и царевне. Я даже не осмелилась поместить себя на ее место – только смотрела, как они кружатся и кружатся, как фигурки в музыкальной шкатулке, как Иван и царевна в моей любимой сказке из батюшкиной книги.

Натянув халат, я поспешила вниз; стук моих босых пяток отдавался глухим эхом. Заодно я проследила путь чудовища – его хвост оставил дорожку в густом ворсе ковра. Видимо, оно уже устроилось на любимом месте под можжевельным деревом. Оно просыпалось рано, как и наши безглазые вороны. Не знаю, спал ли когда-нибудь огненный змей – его удавалось заметить только краем глаза, но стоило повернуть голову, как он тут же исчезал. Большую часть времени он напоминал черную ленту, забытую в траве. А Индрик и без Зорькиных зелий почти весь день дрых среди побегов лаванды, колышущихся от его храпа. Гоблин до сих пор торчал запертый в сарае.

Ундина наверняка проспит еще часа три как минимум: по воскресеньям к нам клиенты не приходили. Зорька обычно просыпалась от недовольных батюшкиных криков, но не всегда спускалась вниз. Так что по утрам весь дом был в моем распоряжении – целых двадцать комнат, раскинувшихся во все стороны, как крона огромного дуба. Я могла бы пройти по ним всем с закрытыми глазами, касаясь пальцами лишь перил из красного дерева и бахромы абажуров.

Если Зорька и Ундина заведовали садом, то моей вотчиной были кухня и примыкающая к ней гостиная. Медные горшки позвякивали над моей головой, как ветряные колокольчики. Тесто для вареников я раскатала еще вчера вечером, так что оставалось лишь присыпать руки мукой и нарезать его на аккуратные ромбики. В ларе со льдом дожидался поднос с бледным, слипшимся фаршем. Не помню, когда успела сделать начинку, но, видимо, когда-то успела – на кухню не заходил никто, кроме меня и нашего шипохвостого чудовища, забежавшего поискать на столе крошки или слизнуть длинным колючим языком жир со сковороды.

Пока вареники закипали, я отрезала два толстых ломтя черного хлеба и намазала их маслом. Затем покрошила две луковицы, смаргивая слезы, поджарила и высыпала к вареникам. У стены стояли три пузатых бочки с квашеной капустой; я зачерпнула из одной, заляпав маринадом рукав, и вывалила капусту на тарелку. Затем положила к вареникам сметану и налила стакан молока.

Закончив, я сунула ложку в рот. Под мягким, насыщенным вкусом сметаны и кислинкой капусты чувствовалась навязчивая терпкость лука, жаренного в масле. Я облизывала ложку до тех пор, пока не остался лишь вкус голого, чуть заржавевшего металла.

Я отнесла поднос в гостиную и поставила на стол, отделанный орехом. Четыре металлические ножи оканчивались копытцами – стол всегда напоминал мне Индрика, присевшего в траве и жадно щиплющего Зорькин шалфей. Выдохнув, я утерла со лба пот.

В этот момент люстра над головой закачалась, как ивовые ветви на ветру, а деревянные половицы закрипели под тяжелыми батюшкиными шагами.

Он медленно спустился по лестнице, по-прежнему в халате и бархатных шлепанцах. Батюшкины руки напоминали белых пауков, костлявые пальцы крепко сжимали перила. Пояс халата обматывал худосочную талию два раза – примерно так моряки в порту приматывали паруса к мачтам, чтобы корабль не раскачивало от ветра.

Сухо чмокнув меня в лоб, батюшка уселся на диван и окинул взглядом поднос. В его взгляде читалось привычное угрюмое смирение. Мешки под глазами были такими большими и темно-синими, что могли сойти за ридикюль какой-нибудь богатой дамочки.

– Спасибо, Марленикен, – сказал он.

– Не за что, батюшка.

Он всегда так благодарил меня, что я не могла на него сердиться. Ни за те часы, что он воровал у меня, отправляя мыть тарелки и наливать уксус в бочки с капустой. Ни за то, что, в отличие от сестер, уродившихся в матушку, я видела в его лице смутное отражение собственных черт. Как минимум, такой же длинный нос с низкой переносицей и резкой горбинкой, явственно оливковый оттенок кожи и легкую раскосость бледно-карих глаз.

Поговаривали, что батюшка когда-то был красавцем, но наложенное проклятие иссушило его, сделало похожим на лубочную резьбу. Теперь в его облике улавливалось нечто нечеловеческое, а редкие улыбки выглядели неестественно, будто и впрямь были вырезаны по дереву.

– В следующий раз положи к вареникам сыру, – попросил батюшка. – И слив. У нас есть сливы?

Я напряглась. «...А еще говорят, что глаза ему кто-то вырвал и засунул вместо них сливовые косточки...»

– В смысле те черные с желтым отливом?

– Нет, конечно же нет, не дури. Ты же не дура, Марленикен. Я не собираюсь есть ядовитые ягоды, хотя они мне и не навредят. У нас ведь и синяя слива растет.

– Да, точно. – Я моргнула. – Можно варенья сварить.

– Вот я его с млинцами и поем. – Батюшка облизнул лезвие ножа.

Я пристроилась напротив, сложив руки на коленях, и наблюдала, как исчезает еда. Крошки и капли застревали у батюшки в бороде – пережитке тех давних времен, когда Совет Чародеев еще не распустили.

Всякий, кому Совет выдавал лицензию на колдовскую деятельность, получал вместе с ней новое звание и какую-то произвольно выбранную черту, отныне не позволявшую чародею скрывать свой статус. У Тетки Вийки были желтые кошачьи глаза и дополнительные веки, прикрывавшие их, словно длинные шторы. У батюшки росла пронзительно-синяя борода. Он отращивал ее подлиннее, чтобы прикрыть обвислые щеки, растянувшиеся в первые дни проклятия, – тогда он едва ли не целиком проглатывал головки сыра и буханки черствого хлеба, полагая, что сможет заглушить неутолимый голод.

Теперь обязанность кормить батюшку легла на мои плечи. Но сколько бы он ни ел, его желудок все равно ныл после каждой трапезы. И удобу его уже ничем нельзя было прикрыть – костяшки пальцев проступали через кожу, как пузырьки воздуха в тесте для пирога. От этой мысли мне становилось так невыносимо грустно, что мой собственный живот начинал сочувственно урчать. Доем остатки черного хлеба и капусты, когда батюшка закончит завтракать.

Пока он ел, в окна струился зеленоватый свет – солнце пробивалось сквозь густую вязь листьев. Воскресенье было моим любимым днем недели: клиенты не приходили, в доме царили тишина и покой и мы с сестрами молча занимались своими делами. Впрочем, не то чтобы клиенты сильно досаждали: количество посетителей в последнее время сократилось настолько, что это заметила даже я. Зорька с Ундиной тоже шептались об этом, но никто из нас троих

не осмеливался заговорить об этом с батюшкой. Зная, какую цену он заплатил, чтобы наша семья осталась единственными чародеями в Обле, было бы жестоко намекать, что эта жертва перестает окупаться.

Я приказала себе не переживать об этом. Сестры были куда смысленнее и куда красивее меня, а папа умел вести дела – втроем они наверняка придумают способ завлечь новых клиентов.

Если бы Совет Чародеев до сих пор существовал, Ундину официально записали бы в ведьмы воды, хоть «ведьма» из нее была так себе. Она могла прозревать будущее, глядя в гадательную чашу или в полированные донья серебряных подносов. Как мы с Зорькой частенько шутили, все способы гадания Ундины выглядели как бесконечное созерцание себя любимой. Ее предсказания выходили такими же мутными, как стоячая вода в пруду, но даже так к ней одной приходило куда больше клиентов, чем к нам с Зорькой вместе взятым. Пока Ундина во все глаза таращилась в гадательную чашу, клиенты во все глаза таращились на нее.

Однако ни один из них не смел ее касаться. Ундина походила на первый зимний снег, и никто не желал становиться тем грешником, кто запятнает это белоснежное совершенство.

Я на нее не особо обижалась. В любой сказке старшие сестры – злые, а Ундина была еще не самой злой из всех. Ей по праву рождения полагалось безжалостно давить на меня своей красотой.

Зорьку же Совет Чародеев определил бы в травницы – и вот она в своем деле толк знала. Она варила лечебные припарки, заживлявшие раны лучше любых пиявок или кровопусканий, и даже могла намешать такой настой, от которого еще целый час будешь ходить, не помня себя от радости. Или, например, такой, чтобы твой враг, невзначай проглотив его вместе с похлебкой, на долгое время сошел с ума и рвал на себе волосы до тех пор, пока яд не выветрится.

За такие настои Зорька получала щедрые пригоршни рублей и варила их только самым доверенным клиентам – как правило, это были нервные, суетливые жены с чахоточными мужьями. Зорька была прекрасна: ее длинные черные волосы переливались на солнце, как вороново крыло, а глаза имели глубокий фиолетовый оттенок. Но большую часть времени она ходила перемазанная землей, пахнувшая полынью и кошачьей мятой, к тому же всегда носила при себе массивные садовые ножницы. Их лезвия поблескивали у ее бедра, как ножи, так что и ее не смел коснуться ни один мужчина.

В саду послышался шум, и голые ветки застучали в окно так, словно кто-то просил впустить его. Я поднялась на ноги и выглянула сквозь белую дымку цветущей груши. Один из наших безглазых воронов клевал недозрелую грушу, маленькую и вытянутую, как слезинка. Гоблин скребся в двери сарая, требуя его выпустить. А у ворот толклись двое мужчин.

– Батюшка, – позвала я, побледнев от страха. – Там кто-то есть.

– Небось очередные родинянские землемеры, – откликнулся тот, отламывая кусок хлеба с маслом и принимаясь его жевать. – Или миссионеры. Не обращай на них внимания – сами уйдут.

С такого расстояния я не могла разглядеть лиц, но точно не видела ни коричневых одежд благочестивых Сынов и Дочерей, ни красных нашивок царских служб. Один из мужчин заметил меня в окне и вытащил из кармана мешочек, туго затянутый шнурком. Подняв мешочек повыше, мужчина потряс им, и стало ясно, что внутри полно монет.

– У них при себе деньги, – сообщила я, и батюшка тут же подскочил с места. Я задумалась, не к Ундине ли они пришли – видно, так хотели ее повидать, что были готовы заплатить двойную сумму. Уж точно не к Зорьке – к ней с таким отчаянием только женщины бегали. Батюшка оттеснил меня плечом и выглянул в окно, прищурившись.

– Надо их впустить, – заявил он после паузы.

– Батюшка, – начала я, чувствуя, как горло сдавливает паника, – я же не одета...

Но он уже направился к двери, оставив на столе недоеденный завтрак. Я поспешила следом, думая лишь о том, что год назад батюшка ни за что бы не впустил в дом клиентов в воскресенье, невзирая на все мольбы и уговоры. Разве что вышел бы на крыльцо и велел убираться прочь, пока он их всех в пауков не превратил...

Я смотрела, как батюшка беседует с гостями через закрытые ворота, и зябко куталась в халат, с тоской отмечая, что мои кудри сейчас торчат во все стороны, как заросли терновника, а сама я воняю маслом и жареным луком. Впрочем, следовало отдать батюшке должное – его никоим образом не заботило, что думают мои клиенты о том, как я выгляжу. Хотят на красотку поглядеть – пусть к моим сестрам приходят.

Один из мужчин передал мешок с рублями сквозь решетку ворот, второй, черноволосый и явственно бледный, уныло терся рядом, опустив голову и сунув руки в карманы.

Ворота распахнулись, и батюшка повел обоих гостей по садовой дорожке. Гоблин в сарае заскребся отчаяннее. Я поспешила к дверям – сердце колотилось так же громко, как стучали по мраморному полу мои пятки. Кто бы это ни был, сказала я себе, по крайней мере, это не доктор Бакай. Уж его-то сутулую фигуру и седую голову я бы узнала даже издалека.

К тому моменту, когда дверь открылась, я уже отдышалась. Вместе с батюшкой на пороге стояли двое мужчин. У того, что постарше, светлые волосы были щедро намажаны – видимо, для того, чтобы скрыть намечающуюся лысину. Его серые глаза сверкали энтузиазмом, да и сам он напоминал бодрую упряжную лошадь – и повадками, и фигурой.

А второй, угрюмый и грустный, оказался Севастьяном Резкиным.

У меня перехватило дыхание.

– Здравствуйте! – начал веселый блондин. – Меня зовут Игорь Деркач.

Я попыталась ответить, но слова так и застряли во рту, колючие и горькие, как подгоревший сахар. Батюшка раздраженно кашлянул, и его обвислые щеки колыхнулись.

– Это моя дочь Марленикен, – проговорил он, переступая порог. – Как видите, она у меня тихоня, рот на замке держать умеет. Так что если вы хотите сохранить все в секрете, то она – самая подходящая для вас ведьма.

– Замечательно, – откликнулся Деркач. – Тогда мы хотели бы сразу приступить к делу.

Севастьян по-прежнему смотрел себе под ноги, но Деркач пихнул его локтем, заставляя поднять глаза. Наши взгляды встретились лишь на мгновение, но я успела понять: он узнал меня. И вместе с этим узнаванием в его глазах промелькнуло и еще кое-что, неожиданное и странное: страх. Промелькнуло – и сгинуло прежде, чем я смогла понять, в чем дело.

Возможно, Севастьян боялся ведьм. Родияне отличались суеверностью.

Глядя на то, как он заходит к нам в гостиную, я чуть не разрыдалась – настолько абсурдная складывалась картина. Сам Севастьян Резкин топчется по моему паркету, усаживается на мою кушетку – в каких-то четырех шагах от той самой кухни, где я взбиваю яйца для блинчиков, мурлыкая под нос какую-то песенку. Неужели это мое затаенное ночное желание привлекло его сюда? Но я тут же отогнала эту мысль прочь – нет, такими чарами я не владела.

Нет-нет, это просто чудовищно неудачное совпадение, из-за которого может сорваться выгодная сделка.

Батюшка вернулся на диван, велел Севастьяну сесть в кресло. Его голос звучал глухо и как будто издали – таким я слышала его, когда лежала в ванне, с головой погрузившись под воду.

Деркач оживленно щебетал. Батюшка снова принялся за еду. А я так и стояла как истукан, пытаясь сдержать подступающие слезы, когда батюшка громко и резко сказал:

– Марленикен, не будь грубой. Предложи гостю чего-нибудь.

Я встряхнулась, как блохастая собака, стараясь не смотреть на Севастьяна.

– Хотите выпить, господин Деркач? – Даже привычные слова отчего-то горчили на языке, как пепел. – У нас есть ежевичный квас.

– Нет, дорогая, спасибо, – улыбнулся тот с тщательно выверенной дозой вежливости. – Скажите мне, какой вид колдовства вы практикуете? Вы ясновидица? Знахарка? Френолог?

Я напряглась. К горлу подкатил ком, и, пожалуй, меня вывернуло бы прямо на ковер. Но суровый батюшкин взгляд дал мне сил пробормотать:

– Нет, сударь.

– Я водил Севу к френологу здесь, в Обле, но тот не особо помог. Зато сказал, что мозги йехулей приспособлены к капитализму. Ну, с этим-то не поспоришь – достаточно взглянуть на их собственные улицы. Их-то бизнес процветает! В общем, как бы там ни было, я надеюсь, что вы сможете разобраться в вопросе, с которым не смогли справиться прочие доктора, и поймете, что за недуг терзает Севу.

Я едва слышала, что он говорит, – кровь шумела в ушах, как внешний поток. Кое-как я повернулась к Севастьяну. Тот развалился в кресле с раздраженно-усталым видом. Ничто в его облике не выдавало какого-то особенного недуга, кроме разве что синяков под глазами. Я вспомнила, как Севастьян выглядел вчера ночью в переулке, когда с его подбородка капала желчь. Алексей заверил, что к утру с Севастьяном все будет в порядке. Возможно, Деркач попросту не знает про пол-литра водки...

– В чем выражается этот недуг? – спросила я у Деркача. Заставить себя обратиться напрямую к Севастьяну я так и не смогла.

Деркач перегнулся через стол и похлопал Севастьяна по колену. Тот мигом напрягся. Лишь спустя одну долгую секунду его плечи, обтянутые черной курткой, снова расслабились, и время опять потекло с привычной скоростью. Севастьян взглянул на меня – пряди темных волос упали на лоб.

– Да как-то и рассказывать особо нечего, госпожа Ващенко, – проговорил он, уверенно глядя мне в глаза. Голос у него оказался низкий и спокойный. – Я, как бы это сказать, заболеваю в последнее время после выступлений. Такое бывало периодически еще в Аскольдире, но с тех пор, как я приехал в Облю, такое случается все чаще.

Услышав собственное имя из его уст, я невольно залилась румянцем. Как будто Севастьян, просто глядя на меня, каким-то образом мог почувствовать, что сегодня ночью я ласкала себя, представляя его лицо. От этой мысли мне становилось дурно. И еще хуже я чувствовала себя, понимая, что он меня узнал и в любой момент может раскрыть мою тайну, так что молилась про себя всем богам из батюшкиного кодекса, которых только могла вспомнить, чтобы Севастьян промолчал, чтобы потолок обрушился и придавил меня, чтобы Индрик проснулся и снова начал громогласно рыдать, чтобы безглазые вороны налетели и разбили окно...

Но ничего не произошло. Мои молитвы всегда выходили какими-то сбивчивыми и неловкими, к тому же в капиталистической Обле наши боги были бессильны.

Я с невероятным трудом прокашлялась.

– И как давно вы покинули Аскольдир?

– Шесть месяцев назад, – откликнулся Севастьян и оглянулся на Деркача – тот до сих пор не убрал руку с его колена.

– Да, все верно, – подтвердил Деркач. – Плюс-минус пара недель.

Его улыбка казалась какой-то неестественно радостной и напоминала мне веселенькие ангельские улыбочки фарфоровых куколок Ундины. Все они переехали ко мне в спальню после того, как Ундина заявила, что уже слишком взрослая, чтобы играть в куклы.

– В каких вы отношениях? – Вопрос соскользнул с языка прежде, чем я успела его прикусить. – В смысле, с Севастьяном.

– Я его антрепренер², – ответил Деркач, надувшись от гордости. – Я опекаю Севу с тех пор, как ему сравнялось двенадцать. Именно я обеспечил ему место солиста в Облинском театре балета.

В комнате повисла тишина. Батюшка застыл, не донеся до рта вилку, а затем по его лицу пробежала тень. Он со свистом втянул воздух сквозь зубы, и я похолодела от ужаса, заметив хорошо знакомую морщинку, обозначившуюся между его бровей. Я замерла, как кролик в саду перед нападением нашего шипохвостого чудовища.

– Значит, ты танцор, – проговорил батюшка, выплевывая каждый слог, как сгусток крови.

– Ну да, конечно, – ответил Деркач. – Самый молодой солист из всех, что выходили на сцену Облинского театра.

Я сдавленно охнула, но меня, похоже, никто не услышал. В длинном списке всего, что батюшка ненавидел в капиталистической Обле, театр балета занимал первую строчку. Такую жгучую ненависть у батюшки не вызывали ни ионийские морские торговцы, якобы тащившие с востока рыбный смрад, ни йехули – эти, по его словам, сосали из города деньги, как упыри – девичью кровь, норовя не оставить ни капли. Он ненавидел хлопчатобумажные фабрики и работяг-поденщиков, заводы, выплевывающие удушливо-черный дым в серое, как тюленья шкура, небо.

Но театр балета он ненавидел больше всего.

«Развлекуха для старых богатых кошелок, которыми брезгают собственные мужья, и богатых мужиков, которые стесняются ходить в бордели» – так он обычно говорил. Сейчас, перебирая в голове его слова, я покраснела еще сильнее, вспомнив, как сама запускала руку между ног.

– Ясно, – прохладно ответил батюшка и скользнул взглядом сначала по Деркачу, затем по Севастьяну, а затем по мне. – Продолжай, Марленикен.

Сколько же рублей они предложили, чтобы заглушить его отвращение? Я не сомневалась, что еще год назад никакие деньги не смогли бы заткнуть батюшке рот. Хотя кто знает? Он всегда сам принимал оплату у моих клиентов – по его словам, я была недостаточно умна, так что при оплате меня «могли нахлобучить».

Я уныло взглянула на Севастьяна. Деркач наконец-то убрал руку с его колена, и я невольно вздохнула с облегчением.

– Я приложу все усилия, чтобы определить ваш недуг, – проговорила я те же слова, что и всем клиентам. Обычно их еще сопровождала мягкая улыбка, но сейчас губы никак не желали принимать нужное положение. – Прикосновения в каком месте для вас предпочтительнее?

– Что? – вскинулся Севастьян.

– Марленикен – прорицательница по плоти, – нетерпеливо пояснил батюшка, сжимая в руке нож, перепачканный маслом. Лезвием вверх. – Ее дар требует прямого контакта с кожей.

В глазах Севастьяна снова промелькнул тот странный страх, но я никак не могла понять его причину. Все мои клиенты были мужчинами, и еще никто из них не реагировал так холодно на объяснения нюансов моей работы. Если батюшки не было в комнате, они улыбались, как сытые коты, и норовили направить мою руку себе под ремень. Обычно я смущенно посмеивалась и давала им сдержанный отпор, одновременно стараясь не обидеть, чтобы не лишиться оплаты.

В конечном итоге они неохотно уступали. Все, кроме доктора Бакая. А ведь мой батюшка в тот момент был в комнате.

Долгие годы я каждый день молила отсутствующих богов, чтобы те даровали мне колдовской талант вроде тех, коими владели Зорька и Ундина. Нечто такое, что можно было делать с

² Антрепренер – частный организатор, владелец или арендатор театра, цирка.

безопасного расстояния. Я и красоте-то их завидовала в основном потому, что она делала их недоступными для простых людей. Неприкасаемыми.

– Да, – согласилась я дрожащим голосом. – Но я прикоснусь к вам там, где вам будет комфортнее всего.

Севастьян устался на меня, тяжело дыша. Его плечи вздымались и опускались, и я вспомнила о том, как он сразил Царя-Дракона – тогда жилы на его руках выпирали, как лопнувшие струны балалайки, – и о том, как он плавно водил ладонями по бедрам царевны.

Внутри всколыхнулось желание, позорное, болезненное... Всякий, кто пожелает девицу из семьи Ващенко, был обречен. Но и в обратную сторону это правило тоже работало. Желание, неважно чье, могло закончиться одним лишь страданием. И, с одной стороны, я ждала ответа Севастьяна, почти умоляя, чтобы все поскорее закончилось, но с другой – холодела при мысли, что он уйдет.

Севастьян выпрямился и медленно расстегнул рубашку. Воротник разошелся, обнажая длинную бледную шею.

– Вот здесь, – проговорил он, наклоняя голову. – Прикоснитесь вот здесь.

Деркач обрадованно хлопнул в ладоши.

– Ох, всегда хотел посмотреть, как работает настоящая ведьма! – заявил он с горящими глазами.

Я чуть не возразила, что настоящей ведьмой называться не могу: Совет Чародеев распустили до того, как я успела заработать официальный титул. Последней «настоящей ведьмой» в Обле была Тетка Вийка – на самом деле ее звали Марина Бондарь. Прозвище Тетка Вийка она взяла себе ради образа, расчетливо используя стремление наших клиентов насладиться очарованием Старого Света. Я еще в ранней юности поняла, что большей части посетителей на самом деле не больно-то требовалась наша помощь. Они приходили к нам по той же причине, что и в театр: за зрелищами. Отвлечься от обыденного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.